



## Сергей Загнухин

Родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке.

Закончил технологический факультет Сибирского металлургического института (ныне – СибГИУ). За время учебы отслужил в армии. После института работал на заводе «Амурсталь» (г.Комсомольск-на-Амуре).

Вернувшись в Новокузнецк, работал инженером-конструктором в сортопрокатном цехе КМК. Затем несколько лет проработал в лечебно-оздоровительном центре «Сенсус», видеоинженером на телевидении («10 канал», ННТ).

В настоящее время – библиотекарь центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя.

В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2003 года.

Сергей Владимирович Загнухин – куратор клуба.

Первая публикация – рассказ «Козлиная история» – в газете «Курс» (г. Белово) 22 декабря 2006 года. Клубом любителей фантастики «Контакт» издано пять книг Сергея Загнухина.

## Баба Юля

– Чтoб у них рoг нa лбу вырос!

– Лучшe – двa...

Так костерили мы с тёзкой Сергеем руководство Красноярской железной дороги в целом, а особенно Абаканского её отделения, отвечающего за электричку до Бискамышы. Ругались, правда, вполголоса и стараясь выбирать выражения. Не хотелось подавать дурной пример. Ведь на платформе, кроме взрослых туристов, тусовалось и подрастающее поколение со своими рюкзаками, палатками и прочими прибабасами...

Из года в год 12 июня – начало праздника туристов-водников на Казыре. А по случаю четырёх выходных и остальные пешеходники, скалолазатели и прочие пещеро-проходцы двинули из цивилизации. Ну, как можно подавать состав всего из четырёх вагонов в день первого массового вылета туристов?! И вот

### ТУРИСТСКАЯ САГА

несколько сотен активного и горластого населения городов бузит на платформе и высказывает в адрес далёкого начальства...

Немного спустив пар, задумались мы с Сергёй: что же дальше? Обратило к родным пенатам – полтора часа по железке. Выходит, зря вставали в четыре утра и пёхом тащились на вокзал, чтобы успеть в славный город Междуреченск на эту единственную электричку в сторону Хакасии?..

Тут и услышали мы негромкий голос, обращённый явно к нам:

– Что ребятки приуныли, головы повесили?..

Оборачиваемся: стоит рядом бабушка – «божий колокольчик» – самого туристического вида («одуванчиком» её никак не назовёшь) и

насмешливо так шуртятся. Прикид самый походный: выдавшая виды штормовка, под стать ей штанцы, короткие сапожки и нехилых размеров рюкзак за спиной. Начало лета, а уже прилично загорелая. Лет сколько – не разберёшь, может оказаться и шестьдесят, и семьдесят, и больше. В общем – неопределённо-пожилого возраста. Но явно тёртая баранка, крепкая. Из тех, которые зачастую на тропе молодым форы сто очков дадут.

– Да вот, бабушка, и Юрьев день на горы наши случился, – говорю я, как более общительный. – Назад возвращаться неохота.

– Назад, как вниз – всегда успеем. Лучше – вперёд!

– А вперёд – это куда и на чём? – включилась в разговор и Серёга.

– Путей всегда много, – охотно отозвалась бабулька. – Кто-то вот на Усу собрался, на лодочках – милое дело. Кто-то в сторону Хакасии до Чульжана на автобусе намылился, там на Томь – каты надуют и тоже неплохо сплавляются.

– Мы не водники, нам потопать.

– Так пешком ещё больше возможностей.

– Например?

– Да вот, до того же Чульжана – там по шпалам до Бельсу. А завтра на той же электричке со «Студёного плёса» куда ваша душенька подкажет.

Слово за слово, решили скучковаться в одну компанию. У туристов это обычное дело. Так и поступили. Взвалили мы свои рюкзаки на плечи и двинулись к автобусной остановке.

По дороге познакомились.

– Зовите меня – баба Юля.

– Сергей!

– И я – Сергей.

– Замечательно. Буду меж вас идти и всю дорогу желания загадывать.

– Загадайте про погоду, чтобы без дождей.

– Договорились. Будет вам погода!

Тут же, на вокзале, сели в автобус одиннадцатый номер и, поколесив по городу, поехали вдоль Томи, параллельно железке. Кроме нас, таких умных, сельдей с рюкзаками набилась целая банка, так что на остановках уже почти не тормозили. Садоводы, мечтавшие поскорее добраться до своих участков, были очень недовольны и тоже что-то кричали нам вслед.

По приезде водники потащили рюкзаки и гермо-мешки с баллонами на берег – надувать свои катамараны. А нас с Серёгой баба Юля послала на станцию, узнать: далеко ли топать до реки Бельсу? Оказалось, что всего с десяток километров.

А потом, уже на собственном одиннадцатом номере, почти как в песне – «по шпалам, опять по шпалам» мы двинулись вперёд. Вот только шпалы теперь бетонные, и шагать по ним не

так удобно, как по деревянным. Поэтому, где возможно, спускались на грунтовку.

По дороге наша вперёдведущая завернула на заброшенную станцию «Геологическая». Тут раньше пионерлагерь был, а теперь домики и корпуса потихоньку разваливаются. А чтобы местное население не помогало им развалиться слишком быстро, приставлен тут сторож. Познакомились – тоже Серёга оказался, невысокий такой живчик. Намолчался, видать, и с удовольствием приютил нас на перекус. Заодно и сам немного подкрепился, попутно просвещая нас о своём житье-бытье.

Живёт он тут бесшумно, провиант ему раз в неделю привозят. Есть радио, и телевизор несколько программ берёт. Для компании ему – только собака по кличке Шельма самой дворняжной наружности. Ну, с ней-то мы с первой познакомились: облаяла нас честь по чести, как ей по статусу и полагается, но с цепи особенно не рвалась.

Место для этого пионерлагеря выбирал человек понимающий – очень красиво тут всё. Сторожка и хозяйственные постройки перегородивают долинку между пологих пригорков, на склонах которых, среди кедров и елей, прячутся домики корпусов. Отменно вкусной водой снабжает источник, бегущий дальше по ложине. Всё утопает в зелени. Птичье музыкальное сопровождение лучше всяких оркестров. Гнездо одной из певуний, с чуть оперившимися птенцами, очень осторожно показал нам местный Серёга в одной из полуразрушенных построек. Сама мамаша тоже что-то тревожно чирикала поблизости, но я, как ни старался, так и не смог рассмотреть её в ветвях ивы.

Был соблазн остаться тут до завтра, тем более, что «по требованию» электричка на этой «Геологической» останавливается. Но и на Бельсу хотелось посмотреть. Да и что мы за туристы, в конце-то концов – останавливаться, так толком и не пошагав.

Перед расставанием баба Юля втиснулась между нас, трёх Сергеев – мы стояли почти равнобедренным треугольником – и что-то ещё загадала на дорожку. Если про погоду, то очень удачно. Погода в этот день выдалась просто идеальная: без дождя, не жарко, постоянно дует ветерок, заодно гоняя по небу почти непрерываемые облачные стада. Так что до вожделенной реки мы добрались без особых приключений, если не считать натёртых с привычки плеч.

Место под лагерь выбрали на берегу Бельсу, не переходя железнодородного моста, недалеко от слияния её с Томью.

Собственно, бивуак тут был оборудован задолго до нас, мы его только облагородили: немного расчистили полянку, подправили очаг

из камней, а из брёвен, принесённых рекой в половодье, соорудили что-то типа скамеек.

Первой выбрать место под палатку уступили даме. А потом и мы раскинули свои полотняные домики – устроились, как кумы королю, по отдельному апартаменту на персону.

Пока мы с Серёгой суетились насчёт дров, баба Юля выпилила из ивовой молодки три палки, метра так по полтора, и соорудила кухонную треногу, связав вершинки верёвочкой. Вот, век живи – век учишь. Вроде и туристы мы со стажем, а не знали, что это сооружение так удобно для готовки. Передвигая «ноги» и меняя высоту подвески котелка, можно с лёгкостью регулировать температуру – гораздо сподручнее, чем традиционной переключиной с рогульками. И таскать его за собой тоже не надо: из любых трёх палок можно соорудить ноги, из веточки с сучком – крючок.

По меню долго не спорили – заварганили суп харчо из пакетов, потом гречневую кашу и чай.

Пока кипело наше варево, сам собой завязался разговор о планах.

– И куда вы, два Сергея, собирались прогуляться? – помешивая похлёбку, поинтересовалась баба Юля.

– Как обычно – до Лужбы, – первым среагировал мой тёзка.

– Что не на Казыр?

– Да там народу слишком густо. Как-то мы не прикалываемся по многолюдству, – поддержал друга и я.

– А хоть раз бывали на этих водных покатушках?

– Да нет, не случалось.

– А стоило бы! Ей-ей, стоило бы, хоть разочек.

Тут подоспело первое блюдо, потом второе. Нарезали хлеба, колбасы, расчехлили ложки-плошки, и на какое-то время стало не до разговоров.

Утолив голод и пропустив для начала по первой кружке чая, мы опять расположились к неторопливой беседе, и баба Юля продолжила свою агитацию.

– Народу, конечно, собирается немеряно, а к вечеру и выпивончик не под запретом. Но место там очень особенное, поэтому инцидентов почти не случается.

– Чем особенное-то?

– Да энергетика очень дружелюбная, не конфликтная. А перебравших свои же товарищи потихоньку отводят на отсыпку.

Заметив наши не загоревшиеся энтузиазмом лица, агитаторша меняет тактику:

– К тому же никто не наволит оставаться на ночную дискотеку. Лагерь-то можно разбить за сколько хочешь от танцполюны. Слава Создателю – Казыр большой.

– Казыр большой – ему видней, – перефразирую я Высоцкого.

– Вот-вот. А от Лужбы вы куда хотите?

– На Хунул-Хузук – озеро динозавра.

– Неужто верите?

– Ну, верить не верим, а вдруг... Даже телевизионщики там караулили. Место-то в любом случае красивое.

– Вдруг даже кошки не котятся... Ладно, расскажу я вам всю правду.

И под вторую-третью кружку чая с ванильными пряниками поведала нам занимательную байку.

«Озеро это, как вы знаете, находится в «Золотой долине», а долина получила своё название от золотого корня – родиолы то есть розовой, если по научному, что бы там туристы не думали о золотых закатах и неземных красотах... И как-то одна артелка добытчиков этого корня, решила развести там плантацию. Поставили домик и дежурили по очереди. А для компани и молока – завели туда козу.

И вот однажды бригадир этой артели (как раз до него очередь дошла сторожить эти родиолы) косил для своей козы траву неподалёку от озера.

Мимо шли туристы.

Поздоровались и спрашивают:

– Для кого сено готовите?

А он шутник был изрядный и, не задумываясь, им выдал:

– Для динозавра. Тут у нас такая же чуда, как в Лох Нессе, водится – вот я её и подкармливаю, чтобы не безобразила. Приручил каждый день в семь утра выползать за очередной порцией.

Лицо при этом держал предельно сурьёзное, даже не улыбнулся.

И вот на следующий день с утра пораньше пошёл ещё покосить по росе. Глядь, а вся эта компания на берегу выстроилась с камерами и фотоаппаратами. Но... никто не вылез. Он же отговорился тем, что животинка осторожная и такой толпы и шума испугалась. Приходите, мол, поодиночке – тогда, может, и повезёт.

Вот от той компании туристов и пошёл слух. Видно, и до телевизионщиков дошёл»...

Посмеялись мы с Серёгой. А я спросил, от куда эта история ей известна.

– Так от него самого и известна. Мы с этим бригадиром старые знакомцы.

После обеда и мытья посуды, прилегли мы все по палаткам отдохнуть: всё-таки вставать слишком рано пришлось. Да мне что-то не уснулось. Поворочался-поворочался, взял фотик и решил обследовать окрестности.

Бельсу – река горная, одна из большой троицы таёжных притоков Томи, вместе с Амзасом

и Казыром. Но тут, в предгорьях, течёт вполне спокойно. Обследовав этот берег, через мост перебрался на другой. Побродил по галечному, с песчаными проплешинами, пляжу. Заглянул в рощу тополей-патриархов и, выйдя на небольшую поляну, я как будто попал в сказку: посреди лужайки тянулись вверх дружными компаниями молодые папоротники с ещё не до конца расправившимися вершинками.

Тут как раз солнышко проглянуло между облаков и осветило эти маковки мягким светом, создав эффект светло-зелёного ореола на более темно-зелёных перьях. Как будто диковинные павлины, испугавшись меня, спрятали головы в землю, оставив снаружи только хвосты... Всю эту стаю окружали, как своего рода жёлто-салатовые застывшие взрывы, охапки володушки золотистой. Тут и там всполохи огоньков и звёздочки незабудок дополняли палитру прогалины, охраняемой, подобно былинному богатырю на страже, мощным побегом борщевика.

Фоном этому буйству красок служило негромкое пение реки и птиц, выводящих свои нехитрые мелодии.

Потом солнце опять скрылось. Сказка поблекла, и я побрёл на Томь – помедитировать на вездесущих рыбаков. Не знаю, что они там поймали, но я бы ни за что не стал часами торчать в воде в резиновых комбинезонах или болотниках...

В лагерь вернулся ближе к вечеру, когда мои спутники уже разожгли костерок для ужина.

Под сумеречные тары-бары баба Юля возобновила свои агитбеседы и уговорила-таки нас посмотреть на большой сбор водников. Выполнив эту великую миссию, она пошла спать, пообещав разбудить нас ни свет ни заря.

Мы с Сергеем посидели ещё у костра и пришли к выводу, что место тут хорошее и, если с электричкой вновь случится облом, можно просто пройти по Бельсу, только лагерь перенести подальше от железки. Зрелище, конечно, впечатляющее, когда огромный железный дракон, разрывая темноту пламенем прожектора и лягая всеми своими сочленениями и фермами моста, врывается на виадук, пронесится мимо и уносится вдаль... Посмотреть такое полезно раз-другой, как грубое и зримое воплощение мысли о противоборстве цивилизации и природы... И земля дрожит не по детски... Но спать-то это мешает очень конкретно. Просыпаешься каждый раз.

Подскочив в очередной раз с коврика от дрожи земли, я понял, что нет смысла укладываться вновь, ибо пришло время вставать.

Но вылезать из тёплого спальника как всегда не хотелось. Провалившись до последней возможности – уже баба Юля вместо колоколь-

чика застучала топороком по котелку, – мы всё-таки выбрались из своих палаток.

Есть в раннем подъёме и свои плюсы. Всё делается быстро, птицы с утра орут особенно радостно, и река укутана туманной вуалью – отличные мгновения для съёмки.

В темпе умылись, перекусили, собрались в путь, шёлкая по дороге затворами фотоаппаратов. Хотя наклонятся к каплям на травинках с рюкзаком за плечами – удовольствие ещё то, но чего не сделаешь ради хорошего кадра.

На платформе «Студёный плёс» мы были одни и в вагон на этот раз попали без проблем, даже сидячие места нашлись. До остановки «Казыр» тоже добрались без приключений, разве что платформы тут никакой нет, и из вагона пришлось прыгать прямо на крутую насыпь. Бабу Юлю внизу мы ловили вдвоём.

За переправу через Томь лодочник изъял у нас по семьдесят пять рубчи́ков – не очень приятная неожиданность... Но куда деваться – монополия.

А в общем – всё это мелочи.

Праздник сплавщиков и буйный Казыр столицей окупил все издержки. Недаром туристы говорят, что Бог создал эту реку, как земной рай для всей водоплавающей братии – от каякеров и байдарочников до катамаранщиков. Тут идеальные условия для спортсменов любого уровня. Для чайников – пороги попроще, для чемпионов – суперсложные, особенно по большой воде, как сейчас. Одни названия чего стоят: «Каша», «Молоко», «Три фашиста» и «Чёртовы ворота».

«Молоко» – потому что от бурунов вода белая, как кипящее ключом молоко, а тут же следом три чёрных камня – «Три фашиста», об которые расшибёт насмерть и зазевавшегося каякера, и перевернувшегося и смытого в воду катамаранщика. Сам Казыр ревет в таких местах, как раненый мамонт, заглушая все разговоры (общаться тут можно только криком), а буйство его первозданной мощи заряжает и тебя частичкой текучей бурной энергии.

В общем, продвигаясь вверх по течению, мы набрались впечатлений на долгие годы.

В перерывах между порогами и бурунами тоже находилось чем полюбоваться.

В городе черёмуха отцвела, а тут в самой силе. Огоньки цветут целыми полями. На придорожных каменных навалах на склонах гор Междуказырского хребта как раз распустились розовые гроздья бадана.

А воздух... воздух... эх, если бы можно было набрать его в какой-нибудь мешок!

И людей встречали исключительно весёлых и доброжелательных. Особенно запомнились молодые няяды в гидрокостюмах, красоту которых не портили даже спасательные жилеты.

Пятикилометровый путь осилили только часов за восемь. Народу резко поредело, когда проезжая дорога закончилась и началась туристическая тропинка. Прошагав по ней километра полтора, мы и раскинули свой лагерь как раз напротив «Чёртовых ворот».

Погода выдалась ясная, жаркая, ни облачка на небе. Поэтому, едва установив палатки и собрав дров на обед, я поспешил спуститься под берег, поискать место для омовения.

Купаться в Казыре – себе дорожке: как во всякой уважающей себя горной речке, вода тут не только быстрая, но и ледяная, так что народ больше практикует окунание в более-менее тихих заводях. Такую я и нашёл чуть ниже порога. Тут оказался даже небольшой квадратик чистого песка в сплошном каменном ложе, с которого удобно было опускаться в струи.

Раз! Два! Три раза с головой в этот жидкий лёд – и с еле сдерживаемым криком быстрее на берег. Блаженство! Нирвана... Весь пот и усталость этого знойного дня смылись и унеслись с потоком. Какие-то иголки пробегают по всей коже, выравнивая и балансируя потоки внутренней энергии. Мысли тоже унеслись куда-то вдаль. Напряжение и тревоги целого трудового года начинают спадать с плеч...

Возрождённый, поднимаюсь к лагерю и быстрее отправляю Сергея в эту природную лечебницу.

Баба Юля воздержалась. Ещё и меня осадил, когда я решил на тот пляжик переехать с палаткой:

– Негоже отрывать от друзей... Да и слишком близок к воде твой песочек. Вот я попрошу Казыр ночью подняться и залить его...

А сама так, будто шутейно, щурится, собрав вокруг глаз снопики мелких морщинок. Вроде прикалывается... Но как-то с серьёзницей в голосе, так что я чем-то отшутился и не стал палатку тревожить.

Тут снизу раздался сдавленный вскрик – Серёга погрузился. Вскоре и он сам появился весь свеженький, как огурчик. Тогда баба Юля попросила нас согреть самый большой котелок воды и погулять часок где-нибудь по горным склонам. Это запросто: взяли фото-видео и пошли на прогулку, налегке-то чего не побродить.

Так вот, то да сё, глядь – и солнышко к закату. Пока бродили, мы набрали листа чёрной смороды, малины и немного чёрных, перезимовавших под снегом, листьев бадана для вечернего чая. Дилетанты, слышавшие только звон про бадан, пытаются заваривать свежий, зелёный лист – и получают себе боль в животе. А чёрный придаёт напитку немного тяжеловатый, чуть землистый, основательный вкус, неплохо уживающийся с доминирующим смородиновым.

У непрямленного костра само собой таянет неторопливо и обстоятельно поговорить, поделится дневными впечатлениями и разными историями.

Я рассказал про свой первый поход – вот как раз сюда, на Казыр, лет около двадцати назад – ещё с брезентовой палаткой и рюкзаком типа садовый мешок. Лодочной переправы тогда не было, и через Томь мы переходили вброд. Сильным течением меня два раза сбивало с ног и несло по течению, ибо по неопытности я попёрся в воду босиком... без шеста... Да ещё этот рюкзаковый мешок на плечах болтается – равновесие нарушает... Оба раза я как-то умудрился дно поймать и даже поклажу не потерять. На всю оставшуюся жизнь урок запомнился, больше никогда через горные реки без хорошей палки не бродил.

Серёга тоже поведал нам о своём первом походе. Я только подхихикивал и поддакивал, ибо в тот раз я сам вёл эту исключительно разношёрстную компанию. Судите сами: я – после пары-тройки несложных походиков, ещё чайник-чайником; с нами зачем-то пошла матёрая туристка, настоящая лосиха... до сих пор помню, какими глазами она смотрела на меня и остальных при всех наших бляениях; сам Сергей шёл в самый-самый первый раз и две женщины точно такие же первоходки. Женщины быстро устали и перессорились...

Планы по ходу дела мы меняли раз семь. Прошли всего километров десять. К вечеру ещё и дождь полил... Какое там восхождение на голец?! Переночевали – и обратно.

Баба Юля долго смотрела на огонь... и сказала про одного художника.

«Сам он родом из наших мест, но живёт и работает в Москве. Довольно известный живописец, не бедствует. Но вот набрался в столице какой-то хвори, да так серьёзно, что чуть ли ни концы собрался отдавать. А на последок решил забраться на пик Большого Зуба. Была у него, оказывается, всю жизнь такая мечта.

Приехал и попросил своих друзей-туристов сводить его туда. Пара надёжных товарищей согласились. Но даже до подножия не дошли: накрыла их непогода где-то на высоте альпийских лугов. Конкретная такая непогода: то дождь, то туман, то всё вместе... Основным занятием у них все эти дни было лежание в палатке – мечта лентяя... И что ж вы думаете? Оказалось, что на той высоте, где-то тысяча двести метров, давление было точь в точь как в лечебной барокамере. Да ещё воздух горный, да ароматы альпийских цветов и вода со снежников... И вылезился ведь! Теперь каждый год приезжает, и в то самое место – на недельку... А Большой Зуб так и не покорил».

Расказала баба Юля свою байку и пошла на боковую. Серый тоже недолго задержался. А меня что-то в размышлизмы кинуло: несколько часов сидел, понемногу подбрасывая дровец в костёр, и слушал шум вод близкого Казыра. Досиделся до того, что слышались в этом гомоне струй какие-то голоса, толкующие не пойми что.

А потом даже четыре строчки в голову пришли:

*«Горная речка шумит,  
Струи бегут и поют.  
Что-то она говорит,  
Только вот я не пойму»...*

Прочитал я их пару раз вслух, и тоже полез в палатку от греха подальше, чтоб ещё какое просветление, сносящее крышу напрочь, не накрыло.

Утро выдалось славным. Проснулись под неистовство пернатого племени. Побегали по окрестностям в поисках разных росинок, былинки да жучков-паучков. А перед завтраком получили в фотомодели целую... мышь. Да не простую, а наркоманку.

Дело вот в чём. На ночь всё барахло мы растащили по палаткам, а то разные куницы и росомахи вполне могли навести ревизию продуктов, да и косолапый хозяин тут не сказочный персонаж. И вот, вытаскивая вещи на полянку, Серёга обнаружил в пакете с одеждой лесную мышку без признаков жизни. Только мы собрались взгрустнуть о её безвременной кончине, как она начала оживать: задержала лапками, попробовала пискнуть. Мы поскорее выложили её на травку и занялись расследованием. Оказалось, что мышка-ворушка прогрызла дырочку в пакете, где среди одежды лежала футболка, обработанная антиклещевым препаратом. Соответственно, надыхалась – и не смогла выбраться. А ведь счастье было так близко: там, рядом, стоял такой же пакет с едой...

Пока мы проводили экспертизу, жертва прогресса немного оклемалась. Мы её засняли, положили рядом кусочек сыра и занялись своими делами. Через какое-то время обнаружили, что гостья исчезла. А сыр не тронула – видно, не до еды ей было.

После завтрака баба Юля объявила нам план сего дня.

– Свою я вас, ребятки, на одно заветное место. Пойдём налегке. Возьмите только по пакету.

– Ну, пакет – не рюкзак. Отчего не прогуляться....

Закинули мы всё в палатки, застегнули накрепко замки-молнии, и двинулись.

Налегке-то налегке, но притомили и прижимы средней паршивости, и по курумам –

каменным рекам – попрыгать пришлось. Зато встретили остатки весенних лавин и на вершины со снежниками полюбовались.

Топать пришлось до притока Казыра – Сургаса. Вообще-то, это ручей, но разлился так, что соваться в него смертельно опасно. Кстати, за ночь и Казыр поднялся, так что мой пляжик на стоянке слегка подтопило – вовремя меня баба Юля пострашала...

От Сургаса, посидев на берегу и умывшись ледяной водой, мы двинулись в тайгу, на тайную поляну, где увидели то, что никогда не видели...

Нет, удивить кого-то в Сибири колбой (*черемшой*) сложно. Её у нас божеватые сограждане ещё из-под снега начинают выкапывать и продавать. Но чтобы выше колена высотой... и толщиной с лыжную палку... да ещё сплошной стеной... такого точно не видел. Да она ещё мягкая, сочная и чуть ли не сладкая, так что пару хвостин вполне можно смолотить без хлеба и соли.

Насобирали, кому сколько надо. Обрезали листья – чего силос-то таскать – и в обратный путь.

Напоследок хранительница этих богатств дала нам наказ:

– Место это заповедное. Знают о нём вместе с вами, от силы, человек десять. Пусть так и останется. А то набегут барышники да вытопчут и выведут за несколько лет.

Мы клятвенно пообещали и двинулись к лагерю.

Ближе к вечеру баба Юля предложила снять лагерь и перебазироваться к переправе на Томи. Ну, чтобы завтра не опоздать на лодку. Мы взялись было спорить: мол, завтра быстренько добежим.

На что она ответила:

– Это вы быстренько, а я – медленно и печально...

– Да что-то не заметили особой печальности.

– Вот – уходилась за эти дни. Не оставите же старушку!

Оказалось, что пока мы ходили окунаться, она уже собралась. Поэтому выйти решила тотчас, наказав нам особенно не торопиться.

– Догоните по дороге. Если надумаю отдыхать, то рюкзак у дороги оставлю, так что мимо не пройдёте.

На том и порешили.

Минут через сорок и мы двинулись.

На тропинке разминуться негде было, а потом вышли на дорогу... Идём и идём, идём и идём... И широким таким шагом!.. Нет нашей бабы Юли. И рюкзака не видно. Вот тебе и «медленно-печально»...

Уже полпути позади. Народно стало много попадаться. Некоторые навеселе, но как она и говорила – всё культурненько.

Даже про выпивку какой-то нетрезвый перец спросил у нас вполне вежливо:

– Извините, мой вопрос может показаться бестактным, но нет ли у вас водки?

Я просто сказал, что нет. И он спокойно побрёл дальше со своей не более трезвой спутницей...

Вот уже и развилка к переправе, а даже тени нашей спутницы нет. Уже и сама переправа. Тут какая-то компания с гитарой у костра песни поёт. Пригляделись – и там не видно.

Выбрали быстренько место, натянули палатки – дело-то к вечеру – и пошли в народ, разыскивать нашу пропавшую.

Подходим. Компания довольно разновозрастная, вполне на вид трезвая.

Поздоровались и спрашиваем:

– Не видели пожилую туристку? Вышли в дорогу по очереди, да не догнали.

– Обогнали, наверно... Свернула отдохнуть, вы и обошли.

– Да не должны. Она обещала рюкзак у дороги оставлять, а его не спутаешь – самошитый из разноцветных кусков.

– Сшитый из кусков? – встрепенулась одна немолодая женщина. – А как звали вашу пропажу?

– Бабой Юлей представилась.

– И давно вы её знаете?

– Да в Междуреченске на платформе позавчера познакомились.

– В чём одета была?

– Штормовочка старая, короткие резиновые сапоги, шляпа туристская, когда-то розовая.

– Неужели?.. – покачала головой наша собеседница.

– Что такое?

– Вам крупно повезло, – с завистью в голосе ответила она. – Баба Юля – местная легенда.

– Расскажите, пожалуйста!

Люди у костра тоже оживились:

– Да, Рая, расскажи!

– Ну-ка, ну-ка...

– Интересно...

Мы присели в круг потеснившихся людей.

Сказительница устроилась поудобнее и начала:

– В некотором царстве, в некотором государстве...

– Раиса Ивановна!

– Ладно, слушайте... Фамилия и отчество уже забылись, а звали её точно – Юлия. Работала на железке, сопровождающим почтовые вагоны. Личная жизнь не удалась – с мужем развелись. Но серьёзно увлеклась туризмом. Причём всяким: на скалы лазила, в пещеры

спускалась, по рекам сплавливалась. Ну и пешком, конечно. А как на пенсию вышла, так вообще из походов не вылезала, во все сезоны. Лучше неё, наверное, никто родную природу не знал.

И вот однажды летом собралась она как будто в обычный поход. Надела штормовку свою старенькую, сапожки резиновые, шляпочку розовую. Взяла рюкзачок свой пёстренький, из кусочков самолично сшитый, такую же палаточку, собственными руками простроченную...

– Верно! – не удержался Серёга. – Палатка тоже самошивка.

Народ на него зыркнул, но промолчал.

Раиса Ивановна, между тем, продолжала:

– Собралась, значит, так – и в Кузнецкий Алатау направилась...

Рассказчица выдержала драматическую паузу.

– Больше её в тот год никто не видел... Подумали: тайга, всякое бывает. И не искали особенно, ибо никому не сказала она – куда идёт.

– И что потом?

– Потом?.. Да стала она являться – то тут, то там – и помогать туристам. Помогала по разному. Заблудившихся – выводила. Утопившим продукты и голодающим – харчи приносила. Заболевших лечила. Поссорившихся мирила. «Чайников» – учила... Другим просто дорогу подсказывала. А кому-то и не поймёшь почему являлась: присоединится к компашке, расскажет пару историй и пропадёт опять в тайге.

– Вроде как нам, – обронил я потихоньку.

Рассказчица услышала и заметила:

– Когда-нибудь поймёте... Но в походах вам теперь vezти будет, это точно.

Кто-то из молодых спросил:

– Так кто же она теперь?

– По-разному считают. Но, скорее всего, её назначили хранительницей здешних мест, покровительницей туристов.

– Кто назначил?

– Кому положено, тот и назначил. Нам не положено – мы и не знаем.

Все притихли, переваривая услышанное.

Мы тоже постояли в задумчивости. Потом поблагодарили за рассказ и отправились к себе: мистика мистикой, а ужин по расписанию.

В тишине сварили ужин, но аппетит куда-то делся: чуть поковыряли пшёнку с топлёным маслом. А вот чаёк пошёл на ура. В первый раз на практике проверили, как это – пить его дюжинами чашек. Не залпом, конечно, а с чувством, с толком, с расстановкой.

Говорили немного, пустословить не хотелось. А по делу и сказать особенно нечего – в основном пытались понять, чему же нас научила баба Юля.

Вспомнили все её байки. Вроде ничего особенного – не дзенские притчи...

Так чему же? Может, просто не отступать назад, пока можно идти вперёд?..

Между тем, полностью стемнело. Костёр изредка постреливал еловыми сучьями. Еле слышно шелестела вода... Взошла луна... Огромная, яркая, полная – полнее некуда. И как раз над самой шириной реки, высветив на её черноте яркую дорожку. Сначала довольно узкая, по мере восхождения ночного светила, она становилась шире и шире, теряя в интенсивности, но добавляя в стробоскопии. Че-

шуйки отблесков, растекаясь по поверхности, притягивали взгляд, одновременно рассеивая его... И в какой-то момент, мне показалось, что по этой дорожке шагает контур невысокой фигуры с рюкзаком на плечах.

Глаза моргнули от неожиданности, взгляд прояснился, и мираж исчез, оставив просто лунную дорожку на воде, которую всё-таки можно рассматривать часами.

Тишина... покой... умиротворение... чувство гармонии в мире...

За одно это можно горячо поблагодарить бабу Юлю, кто бы она ни была.

